

НЕОМЕТАФИЗИКА АЛЕКСАНДРА КОЖЕВА

Владимир Соловьев

А.В. Кожев (Кожевников) (1902–1968), представитель русского зарубежья, сделал блистательную карьеру на Западе. Глубокий философ, прирожденный теоретик-концептуалист, он был еще и способным системным аналитиком, креативным политтехнологом, теньвым советником самых статусных фигур и персон из высшего круга политического руководства Франции в первое десятилетие 5-й республики. Если на рубеже XX–XXI вв. в России о Кожеве мало кто знал, то сегодня ему посвящена обширная литература как на русском, так и на иностранных языках, и на родине он ныне отнюдь не обделен вниманием. Опыт изучения и построения научной биографии Кожева находит успешное продолжение и развитие в самых разных аспектах: методологическом, историческом, философско-психологическом, социологическом, политологическом, культурологическом. Предлагаемая статья содержит предпосылки создания развернутой научно-биографической модели, совмещающей этапы и обстоятельства жизненного пути мыслителя с его интеллектуальным творчеством. При этом причинно-следственные связи проступают с хорошо заметными личностными акцентами и когнитивными факторами (уровень сензитивности и др.). Делается вывод, что интеллектуальное наследие Кожева требует основательного научного изучения. Соединив философские и математические методологические приемы, Кожев реализовал функции системного программиста и оперировал в своей работе инструментарием, предшествовавшим компьютерным технологиям. Сейчас наработки Кожева приобретают особую актуальность как модели гибкого сочетания стандартных и нестандартных методов исследования в любой отрасли науки.

Ключевые слова: А.В. Кожев, неогегельянство, неометафизика, интуитивизм, конец истории, постмодернизм, футурология.

Социологический институт РАН,
г. Санкт-Петербург

Aleksandr V. Kozhev (Kozhevnikov) (1902–1968) was one of those representatives of the philosophers of the Russian Abroad who really succeeded in making a brilliant scientific and political career in the West. Being a profound philosopher, an ingenious theorist-conceptualist, Kozhev was also an able systematic analyst, a creative politician, a shadow adviser of the most influential persons in French politics and government during the first decade of the 5th republic. At the turn of the 20th–21st centuries the name of Kozhev as well as his works were known to very few specialists in Russia, but today he is extensively published in Russian and foreign languages, and contemporary Russian researchers do not neglect him. The proposed attempt of studying and constructing Kozhev's scientific biography finds its successful continuation and development in the most varied aspects: methodological, historical, philosophical-psychological, sociological, political, and culturological. The article contains the prerequisites for creating a detailed scientific and biographical model, combining the stages and circumstances of the thinker's life path and his intellectual work. At the same time, the cause-and-effect relations emerge with clearly visible personal accents and cognitive factors (level of sensitivity, etc.). It is concluded that Kozhev's intellectual heritage requires thorough scientific study as it is rather important and can be used for solving current philosophical, social, and political problems. Combining philosophical and mathematical methodological techniques, Kozhev carried out functions of a systems programmer, and used in his work the tools of antecedents of computer technology. Nowadays Kozhev's work becomes especially relevant as a model of flexible combination of standard and non-standard methods of research in any branch of science.

Keywords: Aleksandr V. Kozhev, Neo-Hegelianism, neometaphysics, intuitionism, the end of history, Postmodernism, futurology.

Философские интересы А.В. Кожева разнообразны: теория познания, метафизика (онтология, философская антропология, теология), логика, натурфилософия, этика, философия права, социальная и экономическая философия, философия истории и культуры, эстетика и философия искусства, психология. Углубившись в своих онтологических исканиях в философию существования, он разделяет суждения экзистенциалистов о неотчуждаемости свободы от человека. Точно так же – через себя и свое «Я», отчасти даже несколько потребительски, – он рассматривает другие ключевые для философии категории и системные величины, будь то неклассическая рациональность в философской системе эпистемологии, мышление и рефлексия, корреляционная сопряженность человека и окружающего мира, противоречия в «диалоге» пространства и времени (скоротечность, вечность, бесконечность бытия и другие координаты диалектической картины мира) или интерпретация доминирующих идей и общественных настроений в условиях новой реальности и культурно-исторических вызовов эпохи. Кожев – концептуалист, мыслительная ниша которого, не имея определенного ядра, ризомно распространяется на разные сферы. Поэтому с большой долей условности можно говорить, где у него кончается «чистая» и начинается политическая философия, ибо он одновременно задействует ту и другую и как бы устраивается на их пересечении, на тех перекрестках и линиях, где духовное начало во всех его измерениях сообщается с мировоззренческими аспектами, перетекает в трактовку парадигмальных основ мира и составляет новейшую понятийную матрицу.

Несомненно, в человеческом аквариуме Кожев – глубоководная рыба, а не из тех, кто мелко плавает. Он входил в число избранных, которым открылось Единосущее и были ведомы его тайны. Это единство природы вне человека и человеком сотворенной он постигал и в православном, и в буддистском, и в послегегелевском понимании. Ипостаси бытия он эгоцентрично замыкал не на Боге как верховном демиурге, а на самом себе и не в шутку утверждал, что наделен всеми качествами и характеристиками Абсолюта.

Негласный отец постмодернизма

Имя Александра Владимировича Кожева (настоящая фамилия Кожевников) сравнительно недавно попало в российскую справочно-энциклопедическую литературу. Сейчас его можно назвать настоящим баловнем историографии, потому что почти полная безвестность сменилась неуклонно растущим числом посвященных ему публикаций на русском и иностранных языках [1, с. 130–139; 6, с. 33–47; 8–10; 11, с. 21–26; 12, с. 90–92; 14, с. 39–43; 18; 19; 21] и диссертационных исследований [3; 7; 15; 17]. Одно время его соотносили с философом, историком, поэтом Владимиром Александровичем Кожевниковым (1852–1917), безосновательно рассматривая этого приверженца русского космизма и последователя Н.Ф. Федорова как предполагаемого отца таинственного Кожева, тем более что отчество последнего соответствовало имени первого. Однако президент интеллектуального клуба «Гуманус», будущий профессор НИУ ВШЭ С.Б. Чернышев доказательно опроверг состоятельность этой

биографической версии [16, с. 1–26]. При целом ряде как будто обнадеживающих совпадений В.А. и А.В. Кожевниковы оказались всего лишь однофамильцами. Впрочем, уроженец Москвы Александр Владимирович Кожевников (1902–1968) не был обделен родословной, происходил из благополучной купеческой семьи и приходился племянником знаменитому художнику-абстракционисту Василию Васильевичу Кандинскому, с которым поддерживал сначала личные, потом эпистолярные отношения и которому посвятил несколько своих сочинений. Наиболее известное из них – «Конкретная (объективная) живопись Кандинского» [31, с. 29–39]. В переписке Кожев запросто называл художника дядей Васей, но, как было принято в старорежимной среде, обращались они друг к другу на вы.

Эссе из пяти глав «Конкретная (объективная) живопись Кандинского» (1936) аккумулирует предварительные соображения молодого философа об изобразительном искусстве. Экспрессивный абстракционизм Кандинского и других беспредметников Кожев идентифицирует как воплощение живописного небытия, переданного через субъективную позицию художника. «Таким образом, – заключает он, – экспрессионистская картина – наиболее субъективная из всех возможных картин: она “изображает” не объект, но вызванную объектом субъективную позицию. Но эта картина — и наименее абстрактная из всех: художник “изображает” целостность Прекрасного в “позиции” (именно потому, что это его позиция), а абстракция присутствует лишь в той мере, в какой позиция обусловлена Прекрасным не художественного объекта, так как это последнее Прекрасное, как мы видели, не может быть “изображено” интегрально» [31, с. 29–39].

В переписке с Кандинским Кожев делится тонким художественно-эстетическим пониманием того, как мастерски удалось художнику в его акварелях извлечь из действительности двухмерные визуальные аспекты, вдруг открывшиеся внутреннему зору, но запечатленные уже не сугубо для себя, а явленные другим и тем самым ставшие обладать ценностью только потому, что вписаны в существующую реальность. Вот отзыв об одной из семи увиденных акварелей: «Внешне картина проявляет себя определенным отсутствием прямолинейной геометрии в фигурах. Складывается впечатление, что “творческому импульсу” стало тесно среди традиционных форм и он взрывает их изнутри, выплескивая цвет на холст». Подчеркивая эту привлекшую его динамику, племянник признается дядюшке, что картины «живут», но они уже начинают становиться «жесткими». С точки зрения Кандинского, молодой человек поймал самую суть. С благодарностью откликаясь на письмо Кожева, он пишет: «Я нашел вашу “критику” моих акварелей очень интересной; у вас есть очень тонкое чувство восприятия, это не часто бывает с мыслящими людьми, поэтому я особенно ценю это. В этом вы отличаетесь от “не мыслящих” людей и, прежде всего, от не чувствующих: эти люди не видят жизни и даже художественного смысла в моих строгих работах, в то время как вы отдаете им дань... до сих пор, когда я пишу вещи настолько серьезные, все во мне напряжено до предела. Здесь... нужен очень сильный внутренний импульс: характер, размер и место каждой из

этих строгих форм определяет себя каждый раз в соответствии с “внутренней диктовкой”, своего рода “видением”, и я полагаю, что импульс не то что необходим, но невозможен в случае “жестких” форм» [23]. Т.е. восприятие племянником особого видения мира, полета фантазии и своего рода философии, отталкивающейся от абстрагирования, – метода субъективной интерпретации реальности путем сначала мысленного, потом художественно реализованного разделения целого и полагания отдельно-сущими его частей, в результате чего происходит трансформация в объективное, Кандинский признал отвечающим его замыслу отображения форм реальной действительности.

Британский биограф А.В. Кожева журналист М. Прайс склонен считать, что тот как бы теоретически отрефлексировал постмодернизм, когда это модное и центральное сегодня явление современной культуры находилось еще на латентной стадии [8]. Безусловно, нет оснований отнимать у Кожева лавры негласного отца постмодернизма. Однако, если так, он одновременно был и его критиком, ибо всегда сохранял в себе здравый смысл, приверженность к принципам холизма и установку на учет всех сторон рассматриваемого явления. К новаторским экспериментам художников-беспредметников философ подходит с теми же критериями, что и к носителям предыдущих культурных традиций. Не все артефакты, независимо от направления, принадлежности к той или иной школе, есть произведения искусства, считает он, а лишь те, что обладают «душой». Не имеет значения, предметны они или нет, созданы ли они в классическом ключе или выдержаны в новомодной геометрической или стереометрической композиции. Если душа не вложена, ее автор – не настоящий художник, а человек, потерпевший неудачу, ибо он «только испачкал бумагу или что-либо другое». Ценность самим фактом своего бытия произведенный продукт не приобрел – она отсутствует.

Конечно, к большинству объектов новейшего постмодернизма такая мерка не подойдет. Тот постмодернизм, который предвосхищал Кожев, мыслился им не столь маргинальным, каким он сформировался в настоящее время. Он резко одергивал тех арт-пустышек, которые пытались обосновать свое право выдавать за искусство всякое «свинство».

Впрочем, в любом предвидении прослеживается онтологически неизбежная погрешность. Ведь речь идет не о строгом процессе придания юридической силы какому-то договору, а о достаточно расплывчатом, умозрительном и не поддающемся ратификации феномене. К тому же, к предтечам постмодернизма Кожева правильнее относить не в связи с его идеями об искусстве, а с довольно внятно проартикулированным им тезисом о неуместности философии в заточенном на потребление постиндустриальном обществе, в котором всякое не приводящее к технологическим чудесам умствование и углубление в бездны абсолютного знания не что иное, как тяжкое бремя.

Многослойность приоритетов

А.В. Кожевников – один из самых загадочных персонажей русского зарубежья. Пятнадцатилетним юношей он с восторгом принял Октябрьскую революцию, что не помешало ему в 1920 г. навсегда покинуть боль-

шевистскую Россию. Ожидая, что советская власть несет с собой прорыв в царство свободы и открывает эру освобожденного человека, он искренне предложил партийно-советскому руководству свои услуги, но его опыт сотрудничества с режимом красных комиссаров чуть не стоил ему жизни. Едва избежав расстрела, Кожевников эмигрировал и, располагая достаточными средствами, решил углубленно заняться философией. Достаточно часто отъезд за рубеж фигурирует в литературе об А.В. Кожеве как спорный пункт, ибо до конца жизни на нем лежала печать агента Кремля [13, с. 122–124].

Восхождение к карьерным вершинам проходило у него сравнительно плавно и постепенно. Великолепной школой стали для него обучение в Гейдельбергском и Берлинском университетах и защита под научным руководством законодателя экзистенциализма Карла Ясперса докторской диссертации о философии всеединства В.С. Соловьева (1926). Молодой человек приобщается к трудам К. Маркса, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и постепенно приобретает известность в ограниченном кругу авторитетных коллег.

Следующая ступень научной карьеры Кожева – поступление в Высшую школу практических исследований. Под влиянием эмигранта из России и, кстати, двойного тезки Александра Владимировича Койре Кожевников целенаправленно приобщается к философии Гегеля. Больше всего его привлекает политическая философия. Немецкий мыслитель задает высочайший абстрактный уровень анализа политики, и отголоски гегелевской «Философия права» отчетливо дают о себе знать в собственных работах Кожева, посвященных понятию власти, концепции «универсального и гомогенного государства», нормам права [29, с. 154–166; 33, с. 295–322; 36, с. 92–119].

В начальный период пребывания во Франции Кожевников итогово группирует в единую систему понятий, идей, смыслов те аспекты диалектики, которые привлекли его теоретической новизной в Германии. Тогда же, по-видимому, смыкаются в его сознании и западают в память идея конца истории В.С. Соловьева, связанная с так называемым человекобожеством и возвращением душ к Богочеловечеству («Краткая повесть об Антихристе»), и гегелевская трактовка той же проблемы («Феноменологии духа») с гипотетическим пророчеством, что исторический процесс, дойдя до определенной точки, иссякнет, уступив место однородности бытия и превращению человека в безгласную вещь на рынке товаров. Так завязывается левогегельянское представление об истории, позднее развитое в философское предостережение, перекликающееся с бегством от свободы – главной мыслью книги Эриха Фромма и теорией Герберта Маркузе об «одномерном человеке».

Далеко не аутсайдер в философии науки, Кожев дифференцирует философское понимание вещей и научное познание, ибо разбег и высота мысли не укладываются в прокрустово ложе жесткого наукоцентризма. «Дугообразная структура “реального” общества обуславливает циклическую, замкнутую на самой себе структуру “идеального” знания». «Абсолютное знание, – полагает Кожев, – устроено так, что каждый вопрос отвечает сам на себя, но только пройдя через всю совокупность вопросов»

ответов, образующих целое Системы». Абсолютное знание есть знание кругообразное, и возможно оно только в рамках «кругообразного», однородного... государства [25, с. 277–296; 26, с. 360].

Апелляция к Богу не противоречит научности. У науки есть свои пределы, и наше познание тварного мира ограничено, а мозг несовершенен. В то же время, само понятие «Бог», по Кожеву, – краеугольный камень всей европейской культуры. Непризнание никаких положительных свойств и качеств Бога, в том числе и его существования, ничего не меняет, т.к. независимо от этого служит осевому назначению – раскрыться человеческому разуму в ходе человеческой истории. В работах «Атеизм» (1931), «Христианское происхождение науки» (1964) и других Кожев отстаивает взгляд на вещи с позиций атеистического экзистенциализма: «Кроме человека и мира, “человеку в мире” ничего не дано, или, если угодно, дано ничто, дана материя (в модусе абсолютной неданности). А Бог не “материя”, он не ничто, а нечто, и он не-я. Но не-я “человек в мире” есть мир, а Бог не мир, а “иное” мира. “Иное” не человека и мира для “человека в мире” есть материя – ничто. Только она “дана” ему иначе, чем он сам и мир. Значит, Бог не может быть дан “человеку в мире” “иначе”, хотя он должен быть дан “иначе”. Значит, он вообще не может быть дан “человеку в мире”» [22, с. 82]. В этой пародийно схоластической манере выстраивания доказательств Кожев пробует себя в антропологическом подходе к проблеме субъекта. Впоследствии абстрагированное оперирование субъект-объектной парадигмой выльется в соответствующий понятийный дискурс.

Линейка работ Кожева, имеющих отношение к гегелевской философии, помимо «Введения в чтение Гегеля», включает несколько названий: «Идея смерти в философии Гегеля», «Гегель, Маркс и христианство», «Заметка о Гегеле и Хайдеггере» («Note sur Hegel et Heidegger»), «Понятие, время и речь» («Le concept, le temps et le discours») [39], «Очерк аргументированной истории языческой философии» («Essai d'une histoire raisonnée de la philosophie païenne»), «Идея детерминизма в классической и современной физике («L'idée du déterminisme dans la physique classique et dans la physique moderne») [40] и др. При освещении феномена смерти вольная адаптация Кожевым Гегеля не разминувшись с русской философской танатологией, и подобное смыкание, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга течений философии и выявление в них мыслительных повторов примерно одного и того же порядка, как и внимание к аналогичному и исторически обусловленному понятийному материалу, – характерная черта творческого подхода философа [28].

Сохранившаяся рукопись о философии Канта свидетельствует об отнесении Кожевным классического исследователя возможностей познающего разума к представителям языческо-антично-христианской традиции, предшествующей учению Гегеля и не обладающей, в отличие от последнего, качествами окончательной мудрости. Тем самым он обозначает грань, дифференцирующую толкуемый как объективный критерий истины: рационалистический комплекс идей, мыслей, теорий, фонтанирующих в трудах Гегеля, и дистанцирующиеся от рационализма и замкнутые в себе субъективные до герметичности умственные построения Канта.

Кожева не отнесешь к крупнейшим в мире специалистам по философии Гегеля, и трудно не согласиться с резонной ремаркой, что идеи, которые он с успехом выдавал за гегелевские, имели мало общего с реальными идеями автора «Феноменологии духа» [11, с. 21–26]. Однако, будучи, сам того не желая, разрушителем стереотипов новейшей истории философии, Кожев не мог обойтись без революционной мысли (и прежде всего диалектики) Гегеля и стал его вольным и виртуозным комментатором и интерпретатором. Интеллектуальной огранке толкования гегелевского учения во многом поспособствовал русский философ И.А. Ильин, с которым Кожев был лично знаком и не считал для себя зазорным консультироваться. Автор книги «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», вышедшей в Москве в начале 1918 г., Ильин стал наставником и куратором Кожева в гегелеведении, что не просто отмечено, но и исследовано [2, с. 106–120; 5, с. 34–36, 52, 80–82]. В результате кожевская версия неогегельянства оказалась настолько актуальной и высококачественной, что не только была востребована, но и послужила мощным катализатором повышенного интереса к философии Гегеля в довоенной Франции.

У Кожева был особый дар безошибочно выбирать у Гегеля или кого бы то ни было из мудрецов, обогативших общечеловеческую мысль, самое острое, злободневное и мастерски актуализировать эти извлечения под приоритетные запросы дня сегодняшнего. Тщеславием гаршинской лягушки философ не страдал, и его не распирало желание громко квакнуть: «Это я! Я придумал!».

Истоки и окраска кожевского интуитивизма во многом коренятся в его специализации в университетах Германии. Помимо собственно философии, он изучал восточные языки. Увлечшись буддизмом хинаяны – одной из самых консервативных буддистских школ, он мог в оригинале прочесть Палийский канон (собрание священных текстов на языке пали) – главный источник, на котором базируются последователи этого учения. По-видимому, проникновение в каждую сутту (буквально «путеводная нить») – лаконичное, но чрезвычайно образное и афористичное по форме высказывание, дало ключ будущему философу к практикам медитации и вдохновило довериться отчасти самой природой заложенным в него исходным интуициям. При этом, даже дождавшись своего звездного часа, Кожев, вопреки приемам героев из древнеиндийского эпоса «Махабхарата», не стремится к публичности, уклоняется от возможности заявить о себе с первых полос газет, журналов или с телеэкрана.

Он свободно владел санскритом, освоил китайский и тибетский. Эта профильная университетская подготовка вооружила его профессиональным инструментарием. Из Берлина и Гейдельберга Кожев вынес бесценную для исследователя методологию – герменевтику, что теоретически вооружило его искусством толкования, интерпретации и понимания любых текстов – от памятников классической древности до мудреных пассажей из текстов Гегеля и Хайдеггера.

С переездом из Германии во Францию многослойность приоритетов в мыслительном поле Кожева возрастает. Он отдает дань русской идее, прибегает к экзистенциальному измерению бытия, поддается дрейфу в

сторону евразийства, привлекающего его противостоянием «омертвелым культурам Запада и Востока».

Дважды доктор наук

Во Франции Кожев переводит на французский и публикует защищенную им в 1926 г. Гейдельберге диссертацию, перезащищает ее в Ecole Pratique des Hautes Etudes и публикует в 1931 г. в двух номерах журнала *Revue d'histoire et de philosophie religieuse* (1934–1935). Год спустя он защищает другую диссертацию по философии науки «Идея детерминизма в классической и современной физике», зарекомендовав себя как глубокого мыслителя-теоретика, свободно оперирующего сложнейшими философскими и математическими категориями.

Приглашенный читать лекции в Сорбонне дважды доктор наук Кожевников получает французское гражданство и сокращает фамилию до Кожева, что отнюдь не мешает ему тесно контактировать с группой бывших соотечественников из кружка «левых» евразийцев. Особенно сблизается он с «красным князем» Д.П. Святополк-Мирским и главой Евразийского семинара в Париже Л.П. Карсавиным. Поскольку Кожев сотрудничает с газетой «Евразия» и активно там публикуется, а ее издатели попали под подозрение как резиденты советского ГПУ, его тоже берут на заметку как возможного агента Кремля.

Внезапное крушение благосостояния – результат обесценения акций, в которые были вложены его средства, вынуждает Кожева зарабатывать на жизнь исключительно профессиональным трудом, что он и делает. Один из лучших комментаторов Гегеля, в 30-е годы он собирает на свои лекции всю литературно-философскую элиту Франции. В ряде работ Кожев представлен чуть ли не как мощный осеменитель культурного пространства страны идеями феноменологии, сюрреализма, постмодернизма и даже вербального контента психоанализа (подсознательные мысли, свободные ассоциации, фантазии, сны) [11, с. 21–26].

И действительно, лекции по феноменологии духа Гегеля, прочитанные Кожевным в 1933–1939 гг., обеспечили ему успех и признание весьма требовательной аудитории. Его идеи впитывали те, кому впоследствии суждено было формировать интеллектуальную жизнь не только Франции, но и всей Европы. Это были философы, литераторы, психоаналитики, политологи, экономисты, и среди них Морис Мерло-Понти, Андре Бретон, Раймон Кено, Раймон Арон, Роберт Марджолин. Кожев попадает в число избранных мыслителей, куда входят Роже Гароди, Пьер Клоссовски, Жан-Поль Сартр, Жак Лакан, Жорж Батай и другие будущие властители дум, вскоре определившие главную линию умственной жизни западноевропейского общества. И более поздние гуру постструктурализма Мишель Фуко и Жак Деррида, по их собственному признанию, отдали дань «Introduction a la lecture de Hegel» – кожевским толкованиям Гегеля. Эти чтения так или иначе отложились не только во французской, но отчасти и во всей западноевропейской философии второй половины XX в., о чем свидетельствует закрепившееся в научной лексике понятие «посткожевский дискурс», введенное в 1979 г. французским философом Венсаном Декомбом, автором книги «Те же и другие» [20].

Интересно, что в этой работе точкой отсчета новейшей за сорок пять лет (с 1933 по 1978 гг.) французской философии служат труды Кожева.

Автор нашумевшей книги «Опиум для интеллектуалов» – философ, политолог, социолог и публицист Раймон Арон, приятельствовавший с Кожевным, а в прошлом один из слушателей гегелевского семинара в Сорбонне, свидетельствует: «Говорил он ровным голосом, никогда не спотыкаясь на слове, на безупречном французском языке, которому прибавлял своеобразие и прелести славянский акцент. Кожев завораживал аудиторию суперинтеллектуалов, склонных к сомнению и критике. Чем? Конечно, в немалой степени талантом, диалектической виртуозностью. Не знаю, сохранилось ли в неприкосновенности ораторское искусство в книге, где собраны лекции, прочитанные им в последний год курса, но это искусство, не имевшее ничего общего с красноречием, было порождением и его темы, и его личности. Темой являлись одновременно всемирная история и “Феноменология”. Вторая освещала первую. Все обретало смысл. Даже те, кто относился с недоверием к историческому провидению, и те, кто за искусством подозревал уловку, покорялись кудеснику». Сознавая бессилие передать, как и чем покорял русский лектор аудиторию, автор воспоминаний просит просто принять его слова на веру: «Невозможно представить здесь мысль Кожева, чтобы убедить в ее ценности незнакомых с ней читателей». «Когда я говорил с Александром Кожевным, – признавался Арон, – у меня всегда появлялось чувство, что любая мысль, которую я отважился бы высказать, ему уже приходила в голову. Если же не приходила, то могла прийти. Он тоже импонировал мне обширностью и основательностью своей философской культуры, о которой свидетельствуют его посмертные книги» [38, с. 35, 256].

Во время оккупации Франции Кожев занял твердую антифашистскую позицию и принимал активное участие в Движении Сопротивления. Он чудом избежал немецкого плена, а в 1944 г. едва не был расстрелян нацистами при аресте. Фактически ему дважды посчастливилось, и в последнем случае, когда Кожев оказался буквально на волосок от смерти, но остался в живых, он не без оснований считал себя заново рожденным.

В начале 1950-х гг., будучи уже на дипломатической службе, он внезапно выбывает из строя по болезни. Курс лечения от туберкулеза заставляет его отойти от дел, но как раз в это время он возвращается к своим философским штудиям и много пишет в стол. По-видимому, именно тогда он окончательно утверждает в том, что главный источник и ключ ко всему главному, что есть в человеческой мысли, заложено 24 века назад в античной Греции [26, с. 572].

Однако витать в эмпиреях Древней Эллады, как и вообще быть в отрыве от действительности, совершенно не в духе Кожева. Вполне возможно, что в период вынужденной паузы в работе на правительство он, как внештатный генеральный конструктор Европейского экономического сообщества, вынашивал стержневые положения строительной механики этого фундаментального проекта и искал приемлемый способ для придания устойчивого равновесия создаваемой системе.

Безусловную историографическую значимость Кожева подтверждают опубликованные в 1947 г. лекции под названием «Введение в чтение

Гегеля» с включением освещения истолкования классиком немецкой и мировой философии понятия смерти [26; 28] и подборки комментариев о соотношении историко-диалектического метода и гуссерлевской феноменологии, а также выход в свет книги по философии Иммануила Канта и серии статей, анализирующих связь гегельянской и марксистской мысли с христианством [27, с. 128–144].

Показательно издание философских трудов Кожева уже после его смерти. Так, в 1981 г. были напечатаны большая статья «Заметка о Гегеле и Хайдеггере» (1936), написанный почти сорок лет назад, в разгар 2-й мировой войны, «Очерк феноменологии права» с разбором сословно-классовой дифференциации права у аристократии и буржуазии, рукопись «Понятие, время и речь» [39]. Другие работы из раннего наследия Кожева, от публикации которых он при жизни в силу каких-то причин отказался, после многолетней паузы также нашли своего читателя. Это эссе об атеизме [24] (1931), суждения о физической и философской актуальности квантовой физики (1932), магистерская диссертация «Идея детерминизма в классической и в современной физике» (1932) и работа «Понятие власти» (1943) [34].

При этом нельзя отрицать и тенденцию замалчивания имени русского вдохновителя, равнодушного в соответствии с известным афоризмом «*Sic transit gloria mundi*» к земной славе. Так, Ж. Жакан и Ж.-П. Сартр вели себя примерно так же, как А.И. Райкин, не спешивший обнаружить, что автор произносимых им со сцены острых и мудрых сентенций не он сам, а М.М. Жванецкий [12, с. 90–92].

Движение к «универсальному и гомогенному государству»

Дискурс, которому справедливо присвоено имя Кожева, вообрал в себя ключевые моменты сегодняшней реальности, еще не заявившие о себе при его жизни, и тем не менее он их прозрел и предсказал.

В то же время, его занимательная неометафизика хороша тем, что каким-то образом позволяет говорить о том, о чем будто бы все уже сказано и ничего больше сказать нельзя. Эта метафизика бытия отчасти слагается из кубиков восточной философии – цепочки притчевых повествований, в которых каждый коан имеет самостоятельное символически-смысловое разрешение, содержит одновременно вопросы без ответов и вопросы с ответами, диалоги и монологи. Но на то и профессионально освоенная школа западной философии, чтобы из всей этой цветистой образности, почти лишенной логической подоплеки, зато изобилующей алогизмами и парадоксами, доступными одному лишь интуитивному пониманию, с хладнокровной рациональностью, без игры в магию и мистику и не прибегая к сверхъестественному как естественному, выстроить не столько умными словами, философскими концепциями или теологическими конструкциями, сколько оптимальными примерами и ситуациями целую картину мира, в которой растворено все перечисленное, причем бесконечно сложное преобразуется в простое и даже равновеликое наглядно зримому благодаря искусной адаптации. Кожев сумел перевести и срежиссировать многомерность жизни в нечто открытое, поддающееся толкованию как высоколобых интеллектуалов, так и среднестатистических умов. Т.е. он своей нео-

метафизикой продвинул мысль от очевидной метафизики в сферу сослагательной реальности, которая сочетает в себе массовые стандарты и штучные, эксклюзивные продукты интеллекта, предлагая каждому свое. Реальный кожевский профетизм распространяется в равной мере как на мелкие, так и на крупные явления.

Кожев не предугадывал, а дальновидно прагматически просчитывал, не строил из себя Нострадамуса, а вслед за М. Хайдеггером исходил из того, что истина сильна своей несокрытостью и узнается по ее полезности для жизни. Одним из первых он постиг, что издержки и минусы научно-технического прогресса перевешивают его выгоды и плюсы и даже таят катастрофические последствия. Воспроизведенные Фукуямой философские предположения-предостережения Кожева, касающиеся конца истории, пост-человека и т.п., сбываются сейчас с пугающей точностью. Пусть он не живописал в подробностях теперешнюю картинку, как люди XXI в. превращаются в живущие в виртуальном мире бессознательные овощи, зато вполне предметно выразил тревогу по поводу грядущего образа социума, надвигающегося в виде двуликого (консюмеризм и коммунитаризм) монстра. Здесь, конечно, вопрос не в терминах (Кожев, естественно, их не употребляет), а в сути. Он внятно и доступно показал, как ненасытное желание потреблять, изымая человека из контекста актуально коммунистического «мы», освобождает его от социальных, моральных или трансцендентных границ и норм и опускает в «животное царство».

Он начал проектировать новый мир, что называется, с большим запасом и выдвиганием вперед. Так, нынешнюю глобализацию он рассматривал не только как уже состоявшуюся, но и предвидел ее глубокий кризис и неизбежное сворачивание. Между тем, наряду с этой отдаленной перспективной в поле его футурологического зрения, разумеется, не могла не попасть ближняя. Сворачивание конфронтации между капиталистической и коммунистической системами и необратимую конвергенцию он распознал гораздо раньше, чем это произошло, ибо пришел к обоснованному выводу, что США, как флагман империализма, и СССР, как локомотив социализма, – это во многом, несмотря на обманчивые внешние этикетки, две разновидности одних и тех же, но по-разному реализованных буржуазных идеалов. Отбросив риторику, демагогию, ритуальные фразы о коммунистической партии, якобы руководствующейся марксизмом, и прочую словесную шелуху, прикрывающую истинную сущность советского режима, Кожев, не вторя Хайдеггеру, а на основе личных впечатлений, почерпнутых во время трехнедельного пребывания в Советском Союзе, настаивает на том, что во главе обоих сверхвалящих стоит правящий буржуазный слой [32, с. 403–415].

Понимая, что основная масса людей безнадежно далека от высшей человеческой мудрости, Кожев прагматично избирает для себя социальную нишу в среде власть имущих – истеблишмента. Наверное, в том, что он позиционировал себя как представителя привилегированной касты жрецов, интеллектуальной элиты, влияющей на судьбы мира, была доля снобизма, но вряд ли его это смущало. Вопросы статуса и престижа волновали его постольку, поскольку соотносились с профессиональным поприщем и сферой приложения его сил и способностей. Вероятно, тем же

объясняется совместимость его мировоззренческой позиции как с европоцентризмом, так и с космополитизмом. Фиксируя симптомы и признаки приближающейся глобализации, он реагирует на нее, вынашивая институциональные планы противостоять универсализации всего и вся в масштабах всей планеты, создав жизнеспособный проект, обеспечивший интеграцию, действие эффективных связей, отношений, функционирование различных структур в европейском пространстве.

Кожева называли русским Сократом, избравшим своей резиденцией Париж. Однако столица Франции привлекала Кожева вовсе не как город-космополит, а как реализованная французами открытая всему миру урбанистическая структура. Однако Кожев не перестал быть сыном России и, как многие его соотечественники-эмигранты, был благодарен стране, предоставившей ему гостеприимство и гражданство, за возможность оставаться русским. Оттого он считал для себя делом чести верой и правдой служить новому отечеству и быть ему всемерно полезным. Он не мог смириться с тем, что милая ему Франция, да и вся Европа, раздавленные 2-й мировой войной, оказались зажатыми между двумя суперимпериями – США и СССР. По замыслу Кожева, проект Объединенной Европы должен был сохранить за Старым Светом политическую, экономическую и культурную самостоятельность. Документы, авторство которых принадлежит Кожеву, были нацелены прежде всего именно на это.

Уже цитировавшийся выше Раймон Арон приводит в своих мемуарах характерный портрет русского интеллигента, натурализовавшегося во Франции, заслужившего орден Почетного легиона, но не перестававшего чувствовать кровную связь с родиной: «Сохранился ли у него сокровенный и рационализированный русский патриотизм? Я в этом несколько не сомневаюсь, хотя он безупречно лояльно служил своему свободно избранному французскому отечеству. Он не любил американцев, поскольку ему, как мудрецу, США казались самой нефилософской страной мира. Философией, разумеется, были для него греки (досократики, Платон, Аристотель) и немцы (Кант, Гегель), да еще, между ними, картезианцы... Когда вопреки давлению США он отстаивал статьи ГАТТ¹, позволяющие формировать Общий рынок, то защищал независимость Франции и Европы» [38, с. 35]. Кожев не был ни лауреатом премии Алексиса де Токвиля за гуманизм, ни премии Эразма Роттердамского, вручаемой людям или учреждениям, внесшим значительный вклад в европейскую культуру, общественную жизнь, социальные науки. Зато его удостоили ордена Почетного легиона, и он этим немало гордился.

Мыслитель-универсал

Ангажированность и политизированность Кожева отчасти отразились на его трудах. Однако при преобладании в них философской составляющей временами прорывается публицистическая заостренность с живым откликом на злобу дня и проблемы текущего момента. Архитектор Европейского союза, Кожев пристально изучает и внимательно анализирует опыт США и СССР – двух сверхдержав; этому опыту, по его мне-

---

¹ ГАТТ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле.

нию, недостает созидательных стимулов, он деструктивен, т.к. во многом морально устарел и под кальку воспроизводит былые ошибки и просчеты прошлых империй (Британской, Российской, Австро-Венгерской). Тем не менее, подобно евразийцам, идеи которых Кожев некоторое время разделял, он был готов брать на вооружение какие-то полезные уроки из практики государственного строительства Советского Союза. Так, в статье о пропагандистской политике ВКП(б) идейный контроль в сфере общественных наук и всей культуры в условиях политической диктатуры сталинских времен он находит таким же важным участком фронта, как любую другую стратегически важную, обращенную к противнику сторону боевого порядка (позиции) оперативного построения войск [37, с. 72–74]. Возможно, неосуждающая интонация применительно к правящей в СССР партии дала лишний повод выдвинуть против Кожева обвинение в тайном сотрудничестве со сталинским режимом. К тому же, сам он, по свидетельству очевидцев, не раз открыто называл себя сталинистом. Сохранилась рукопись, в которой он характеризует Сталина как Наполеона индустриальной эпохи [35, с. 69–77]. К тому же, в 1953 г. он, к немалому удивлению коллег из министерства, оплакивал смерть Иосифа Сталина. До этого Кожев, вообразивший себя Гегелем, предлагавшим поддержку Наполеону, отметил письмо Сталину, хотя так и не дождался ответа на свое послание.

Возможно, не сплошь осуждающе-разоблачительная интонация применительно к правящей в СССР партии дала лишний повод выдвинуть против Кожева обвинение в тайном сотрудничестве со сталинским режимом. Но амбивалентное отношение к советскому вождю (критические высказывания в сочетании с наименованием себя сталинистом, письмом Сталину, оставшемся без ответа, скорбной реакцией на смерть «Отца народов») вряд ли может служить не только прямым, но даже косвенным доказательством пиетета к «зодчему коммунизма». Другое дело, что по сравнению с восседавшим в Кремле 30 лет суровым генералиссимусом его преемник казался Кожеву карикатурной фигурой.

Французский премьер-министр Раймон Барр, один из плеяды интеллектуалов, посещавших семинары Кожева в Высшей школе практических исследований, вспоминал его следующие слова: «Человеческая жизнь – комедия, надо играть ее всерьез». И есть немало подтверждений тому, что сам Кожев с увлечением лицедействовал, кривлялся, паясничал, чем нередко сбивал с толку и вводил в заблуждение непосвященных. Любитель разогнать скуку и рутину какой-нибудь выходкой или проделкой, он с большим артистизмом, а иногда и не без презрения и цинизма потешался над людьми недалекими и заурядными, ставя их в неловкое и затруднительное положение. Скептик до мозга костей, он не прочь был испытать на слабо и лиц, мнивших себя повелителями и законодателями всего человечества. Возможно, здесь и кроется разгадка письма, адресованного Сталину.

Вместе с тем, никаких иллюзий по поводу советского социализма Кожев не питал, считал реализованный в СССР исторический эксперимент тупиковым, ведущим к провалу и полной катастрофе по всем направлениям. Под коммунистическими лозунгами и декларациями и при

скверно аранжированной под марксизм идеологии красная империя представляла собой слепок царской России XIX в., где место прежних дворян и капиталистов заняла партийно-советская буржуазия. Кожев не скрывал своего профессионального, с позиций философа и политолога, интереса к тоталитарно реализованному советскому проекту, воплотившемуся в одну из форм движения к «универсальному и гомогенному государству», и без обиняков заявлял, что сам этот режим ни малейшей симпатии у него не вызывает.

В свою очередь, несомненный интерес представляют заметки Кожева о феномене СССР. По его мнению, в Советском Союзе многое выстраивается по лекалам европейской истории сто-стопятидесятилетней давности. Так, в индустриализации он различает черты двух европейских промышленных революций 2-й половины XIX – начала XX в., а советскую культуру расценивает как крайне упрощенную реплику «французской цивилизации, остановившейся в своем развитии где-то в 1890 году и приспособленной к уровню двенадцатилетнего ребенка» [37, с. 72–74]. Отношение Кожева к утвердившемуся в СССР режиму хорошо видно по докладной записке, написанной в сентябре 1957 г. после трехнедельного пребывания в Москве. В этой записке «Москва 1957 года», характеризующая настроения советской элиты в период между пленумом ЦК, выведшим из властных структур Маленкова и Молотова, и низложением Жукова, он предсказывает и падение Хрущева.

Утвердившийся в Советском Союзе строй Кожев характеризует как архаичную, восходящую к концу XIX столетия разновидность госкапитализма с национализацией средств производства и всеми явными признаками зафиксированной Марксом формой эксплуатации трудящихся. Неслучайно в другом месте и ином контексте он со свойственным ему острословием готов был признать «единственным великим подлинным марксистом двадцатого века» Генри Форда, но никак не кого-то из руководящих СССР представителей паразитической надстройки [21].

Кожев разоблачал догматические попытки выдать декорированную под бесклассовое государство диктатуру за социализм, которого в СССР не было и в помине, и называл претензии на статус бесклассового государства смехотворными бреднями.

Близкий друг Кожева К.О. Вормзер, бывший в 1960-е гг. послом Франции в Москве, вспоминает, что тот никогда не был коммунистом и, если объявлял себя таковым, то лишь для смеха или ради игры словами. «Мне, – свидетельствует дипломат, – он, напротив, не раз объяснял, что покинул Россию сразу же после того, как понял необратимость захвата власти большевиками» [41, с. 121].

То, что Кожев просчитал отставку Хрущева, не было сверхзадачей, ибо этот советский лидер бесшабашно принялся рубить сук, на котором сам сидел, и вдобавок постоянно третирует выпестованную его аппаратную гвардию. Куда больше впечатляет прорисовка судьбы СССР, крах которого, по мнению Кожева, предрешен, поскольку систематический экспорт коммунизма и уже непосильная для измученного нескончаемыми лишениями советского народа гонка вооружений вот-вот надорвут силы красной империи. Не менее знаменателен кожевский про-

гноз стремительного экономического взлета в недалеком будущем быстро индустриализирующегося Китая.

Хорошо известная цикличность истории, проявляющаяся в повторяемости примерно одних и тех же политических раскладов, сценариев и ситуаций, наверняка тоже учитывалась Кожевым. Как недюжинный футуролог, он многое предвидел и безошибочно прогнозировал, словно наперед знал, что и как сложится. Какие злые шутки уже сыграла с Россией матушка Клио и какие еще может сыграть, ему, пожалуй, было ведомо более, чем кому-либо еще из русских философов.

Амплуа теневого лидера

Дистанцирование от славы обусловило неочевидность приоритетов Кожева как философа и политолога. Самореализация без помпы и пиар-раскручивания создала ему имидж человека, сторонившегося масс-медиа, неизменно пренебрегавшего ресурсом «паблик рилейшнз» при несомненном влиянии на решения, принимаемые в тиши кабинетов высших должностных лиц, в которые он был вхож. Кожев не афиширует свои идеи, не издает свои труды в широкой печати и даже собственную концепцию «конца истории» попридержал, позволив обнародовать ее другому ученому – американцу японского происхождения Фрэнсису Фукуяме. Последний подвел под нее собственный материал и стал автором всемирно известного бестселлера. Тем не менее, знаковая точка в традиционной траектории новейшей мировой истории поставлена именно Кожевным, и начало пост-истории также зафиксировано именно им. Финишная прямая предшествующей истории с ее коллизиями и драматизмом видится ему в пришедшей ей на смену гомогенной, в том, что на место человека заступает потребитель [4, с. 397–401].

Не прибегая к социометрическим тестам и опираясь лишь на широко доступную информацию, правомерно заключить, что по своим характеристикам Кожев – это человек, который поставил себя так, что с его мнением не могли не считаться, ибо он, как результативный и эффективный политический менеджер, эксперт-аналитик высшего звена, приобрел авторитет, заслужив доверие и расположение правящей элиты.

По своему типу Кожев – неформальный лидер, не обладающий качествами силовика, но располагающий интеллектуальным инструментарием стратега, тактика, аналитика и мотиватора, что обеспечило при поддержке президента Шарля де Голля продвижение одного из самых амбициозных его проектов – создание единого европейского сообщества, построенного на основе экономической и культурной близости. В контексте разработанного Кожевным сценария европейского общего рынка экстраполируется прообраз будущего Евродома – ЕС и перспективная альтернатива изжившим себя архаическим имперским моделям. Позднее высветились роль и место Кожева как инициатора и активного участника «мозговых штурмов» с целью заключения Римского договора, предшествовавшего конструированию Европейского экономического сообщества, и как одного из ведущих советников в кабинете Валери Жискар д'Эстена.

Как в левом, так и в правом лагерях у Кожева было достаточно много противников, считавших его одиозным объектом, вызывающим резко

неприязненное отношение в силу анонимно выдвигаемых им политических инициатив, подлинное авторство которых рано или поздно рассекречивалось. При всем стремлении никак себя не выпячивать Александр Кожев не в силах был заблокировать присущий масс-медиа синдром навешивания ярлыков и, что называется, попал под раздачу по полной программе: его заклеямили как макиавеллиста и вдобавок приклеили ярлык шпиона.

Рецепты политической кухни в работах о тирании, власти, колониализме с европейской точки зрения и др. [34; 30] дали повод сравнить Кожева с Никколо Макиавелли, призывавшим власть имущих без колебаний проводить государственную политику грубой силы при пренебрежении нормами морали и права, допуская при необходимости любые средства вплоть до убийства, насилия, обмана, предательства и т.д. Кожев на самом деле уверенно себя чувствовал в коридорах власти, но придерживался диаметрально противоположных макиавеллиевским взглядов [36, с. 92–119], хотя и утверждал, что философы должны принимать активное участие в формировании реальной политики, о чем он писал в своих работах [29, с. 154–166], в личной переписке (в частности со старым товарищем, теоретиком права Карлом Шмиттом) и подтвердил на практике, оказав определяющее влияние на политику Франции в конце 1950-х – 1960-е гг. XX в. По сути, Кожев был верен своему посылу: «философ» должен деятельно вступить в осуществление истории и закончить историю – только так он может стать «мудрецом».

Наберется увесистый пакет доводов в пользу того, что при всем при том, что Кожев – в высокой степени фигура, окутанная тайной, клише агента Кремля ему прилепили совершенно напрасно, и при желании, если бы они состоялись, он мог выиграть судебные процессы по иску о клевете, жертвой которой стал. Пожизненное подозрение в работе на КГБ – всего лишь ложный след, не нашедшее подтверждения огульное обвинение по принципу «дыма без огня не бывает». Тем не менее, спорные вопросы об особой миссии Кожева, полемика, направленная на выяснение того, был или нет человек, создавший Европейский союз, русским шпионом и сталинским резидентом, словно фантомные боли не отпускают особо усердных ревнителей и копателей истины. Ясно, что СМИ нужны скандалы, грязные сенсации и громкие разоблачения, но при чем здесь, спрашивается, Кожев?

Как ни странно, он идеально походил на рыцаря плаща и кинжала. При внушительной портретной внешности ухитрялся, когда хотел, не запоминаться, легко с завидным артистизмом придавал своей физиономии неприметность, как бы стирая все узнаваемые черты. Разумеется, при таких уникальных способностях ему просто уготовано было прослыть шпионом.

Плюс к этому нельзя не добавить так называемый человеческий фактор. Всегда и по любому поводу непременно находятся глухие к иронии люди, принимающие за чистую монету сарказм, троп, издевку, насмешку, лукавое иносказание и органически не способные понять, что это не истина, а всего лишь сатирический прием. И вот на свидетельства таких людей и ссылаются, как на достоверный источник. Как лицо, вхо-

дящее в высший эшелон политической обоймы, Кожев, конечно, постоянно был излюбленной мишенью профессиональных фальсификаторов, преднамеренно искажавших и подделывавших информацию. Но не надо, вероятно, сбрасывать со счетов и тех упертых ригористов и носителей ложно понимаемого правдолюбия, которых имеет в виду пословица «Простота хуже воровства». Им тоже Кожев обязан пятнавшей его до конца жизни репутацией перевертыша, агента-двойника, сотрудничающего одновременно со спецслужбами двух противоборствующих государств.

Незачем отрицать, что благодаря Кожеву в генеалогии Евросоюза прослеживается русский след. И что из того? Представить его объектом чекистской вербовки, десятилетиями выполнявшим спецзадания, как-то не хватает фантазии. Кожев – это прежде всего живое течение мысли. Ни косностью, ни ороговением мозга он не страдал и не упускал возможности пустить в ход стеб, эпатаж, шутку, озорную мистификацию по отношению к тем, кто был лишен чувства юмора, все и вся брал и впитывал со звериной серьезностью, считал неоспоримой, заслуживающей полного доверия правдой. Но ведь это вовсе не означает оправдание инсинуаций о секретной миссии внедренного шпиона. С таким же успехом можно было бы объявить проникшим в США спецагентом Кремля отца телевидения из Муромы В.К. Зворыкина и приписать ему реализацию тайного плана разрушения враждебного Запада с помощью аппарата, обеспечивающего разжижение и атрофию серого вещества мозга.

Замечается у Кожева некоторое облегченно-пренебрежительное отношение к своей интеллектуальной собственности, и это касается не только авторства концепции «конца истории». Создается впечатление, что Кожев вообще не дорожил своими идеями и был готов расточительно ими делиться со всеми, кто мог достойно их реализовать и растиражировать. Его сочинения содержат целую россыпь актуальных мыслей, суждений, наблюдений, которые он, подобно щедрому сеятелю, предлагал вниманию современников и потомков.

Конечно, Кожев не всегда был за кадром политических инициатив и играл роль серого кардинала и закулисного генератора идей. В послевоенное время он согласился занять, казалось бы, неприметное кресло чиновника в Министерстве внешней торговли Франции. Этот пост не принадлежал к номенклатуре руководящего состава правительства, но тем не менее позволял принимать оперативные решения, формировать генеральную линию по вопросам международного экономического сотрудничества и европейской интеграции, активно проводить большую организационную работу в нужном направлении. Порой он был в одном лице сценарист, продюсер, менеджер и режиссер-постановщик, осуществлявший идейный и организационный контроль над запуском в производство собственного интеллектуального продукта, оформленного в виде своеобразного сценария. При этом Кожев ни в коей мере не считал себя кем-то вроде политического суфлера, принимал свое закулисное ремесло всерьез, приходил в ярость и никому не спускал, невзирая на лица, если его совет в области международной экономики и торговой дипломатии оставался без внимания [38, с. 36].

Незадолго до смерти великий гроссмейстер политических шахмат получает тягостно неприятный урок. Его олимпийский снобизм и презрение к поднявшей во Франции в мае 1968 г. мутную волну студенческой гопоте вошли в противоречие и конфликт с запоздалым прозрением: интеллектуальные поводыри сами могут оказаться слепцами в большой политике.

В глазах очевидца событий в России 1917–1918 гг. молодые французские смутьяны были типичными несмышлениками-недоучками, вообразившими себя революционерами, протестующими против устоявшегося буржуазного уклада, опостылевшего общественного однообразия и навязанных жизненных ориентиров. На самом деле, оказавшись этот «шутловской бунт» не громкими выхлопами, а целенаправленным вооруженным выступлением с захватом власти, он увенчался бы чем-нибудь вроде анархического тоталитаризма, ибо таков предсказуемый итог бездумного нахлобучивания на марксизм троцкизма и политграмоты Мао и смешения в одну кучу всего и вся.

Немецким подражателям студенческого бунта во Франции, устроившим в Берлине нечто похожее, на вопрос «Что делать?» Кожев кратко отвечал: «Читать Платона и Аристотеля», ибо, помимо высокопарных призывов к свободе и расхожих революционных лозунгов, надо хоть что-то знать и не путать шумную субкультурную акцию с революцией.

Такая точка зрения встретила понимание далеко не у всех, и даже некоторыми друзьями и единомышленниками была расценена как «реакция русского белоэмигранта».

Несовершенство собственной политической философии беспокоило Кожева гораздо меньше, чем досрочный и бесславный финал президентства де Голля. Разгул студенческой вольницы вызвал у Кожева раздражение, но скорее раззадорил, чем поверг в меланхолию или тем более в депрессию. И все же он был обескуражен и, приглашенный в новый состав правительства, держался несколько отстраненно как креативный, но подчеркнуто невозмутимый советник-консультант, ничего по-настоящему не принимающий всерьез и близко к сердцу. Умудренный пессимистическим опытом глубокого разочарования в обанкротившихся демократических институтах 5-й республики Кожев не мог переступить через опасение повтора этого острого переломного момента как политического рецидива. По-видимому, он сам переживал личный кризис, чем объясняется его отдаление от семьи и потребность в уединении. Вместо привычного круга общения он вдруг начинает встречаться со священниками, что было вовсе не в его духе.

Однако ни воли, ни ясности мысли, ни темперамента Кожев не утратил, и даже смерть его была по-своему красива. Он умер как пламенный трибун сразу после эмоционального выступления на очередном заседании комиссии ЕЭС, страстно отстаивая свое детище.

Между парадоксами

С точки зрения Кожева, СССР и США – два одинаково неприемлемых варианта развития общества из разряда «оба хуже», ибо являются метафизическими близнецами, официально устремленными к одной и

той же призрачной цели – всеобщему равенству. Расхождения в достижении этой цели значения не имеют, т.к. они нивелируются сближающей их единой сущностью: политическим анимализмом: приоритетом низшей – животной – жизни в противоположность высшей – духовной.

Мы не найдем у Кожева ничего комплиментарного, касающегося США, но равным образом он никогда не отзывался об СССР в духе песен Лебедева-Кумача – как о стране, в которой свободно и привольно дышится советскому человеку. В его глазах Советский Союз был, скорее, не прообразом всемирной единообразной империи, а ее пародией.

Политкорректность – это не про Кожева. Он лавировал между парадоксами, делал поправку на то, что универсальность логических построений и здравого смысла в XX в. исчерпала себя и по всем фронтам пасует перед абсурдом.

Конкретное и абстрактное в картине мира смыкается в его сознании, выстраиваясь в диалектический алгоритм, фиксирующий отражение мира как единства. Здесь находят место и идея конца истории В.С. Соловьева, связанная с так называемым человекобожеством и возвращением душ к Богочеловечеству («Краткая повесть об Антихристе»), и гегелевская трактовка той же проблемы («Феноменологии духа»), и эгоцентрический интуитивизм, ставящий во главе угла познания непосредственное, «живое» отношение человека и мира, без членения реальности на субъект и объект.

В отличие от кабинетных теоретиков, беспомощных на практике, Кожев смело подчинял весь свой методологический потенциал философскому инструментированию политической доктрины как симметрии социальной реальности и способу достижения баланса и сглаживания противоречий обратимых процессов. Его можно назвать истинным мастером тонкой настройки механизма сдержек и противовесов – гарантом конституционно-правового развития и оптимального управления бюрократическим аппаратом. На пороге развернувшейся тотальной формализации всего и вся Кожев чувствовал себя как рыба в воде, ибо инициативно разворачивал любую установку свыше и даже самый топорно составленный в министерских канцеляриях циркуляр таким образом, что он из простой инструкции превращался в документ не только с соблюдением всех необходимых процедурных пунктов, но и с проблеском мысли, а то и в дельное предметно-содержательное руководство к действию. Прикладные аспекты исследования метафоры как модели истины и объекта гносеологического анализа и приемов экспликации имплицитного знания в философской парадигме Кожева ждут своего анализа.

На вопрос, велика ли нужда в интеллектуальном наследии Кожева, изложенное выше дает основания ответить утвердительно. Заинтересованность в его подходах к решению целого спектра проблем, аналитической культуре оценок самых разных ситуаций очевидна, ибо лаборатория кожевской мысли – это конкретный образец того, каким потенциальным ресурсом располагает сегодня наука. По сути, Кожевым распечатаны лишь некоторые идеи из того пакета инноваций, которые обеспечивают комплексность изучения междисциплинарных объектов и процессов как в теоретическом, так и в практическом плане. Структурировав

воедино методологические арсеналы философа и прикладного математика, он фактически реализовал функции системного программиста и оперировал в своей работе инструментарием, предшествовавшим компьютерным технологиям. Теперь, в условиях применения современных алгоритмических языков и использования новейших баз данных разработки Кожева приобретают особую актуальность как модели гибкого сочетания стандартных и нестандартных методов исследования в любой отрасли науки.

Креативный опыт Кожева в новаторской опоре на интегральное знание независимо от него самого получил развитие как апробированный путь извлечения достоверной информации, критической фильтрации истины, сбалансированного охвата множества концепций с синтезированием всего конструктивного в них в нечто, не исключающее друг друга, а взаимопримиряющее, выстраивающее в оптимальный симбиоз, позволяющий не обходить, но сглаживать острые углы, противоречия, невзирая на разной природы рамки и ограничения. Ноу-хау Кожева – запущенный им эффективный механизм гармонизации общественного бытия, в широком философском контексте дающий человечеству реальный шанс объединить усилия для мирной консолидации и преодоления ценностно-мировоззренческого кризиса, обусловленного прогрессирующим отчуждением. Собственно говоря, Кожев как философ и политехнолог сам был постоянно втянут в драматичные отношения субъекта с миром, при которых несовпадение определенных норм и конвенций, осознаваемых как противоположные, несходство изначальных установок и идеалов оборачивались напряжением и конфликтами.

Литература

Исследования

1. *Визгин В.П.* Философия как речь (историко-философская концепция Александра Кожева) // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 130–139.
2. *Евлампиев И.И.* Иван Ильин и Александр Кожев: русская версия европейского неогегельянства // Соловьевские исследования. 2013. № 2(38). С. 106–120.
3. *Жиленков И.А.* Философско-антропологический дискурс А. Кожева. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. философских наук. Белгород: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2016.
4. *Жубара А.* Идея конца истории: Вл. Соловьев и А. Кожев: Архивная копия от 31 марта 2013 на Wayback Machine // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 397–401.
5. *Кузнецов В.Н.* Французское неогегельянство. М.: Изд-во МГУ, 1982.
6. *Курилович И.С.* Мышление бесконечного как эпистемологическая проблема философской системы А. Кожева // Философский журнал. 2019. Т. 12. №3. С. 33–47.
7. *Наскина И.А.* Политико-философские идеи А. Кожева. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. философских наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2013.
8. *Прайс М.* Агент мирового духа, или Мог ли КГБ вскормить Постмодернизм? // Русский журнал. 2001. URL: <http://old.russ.ru/politics/west/20010402-koiev.html>.

9. *Пятигорский А.М.* Непрерываемый разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004.
10. *Рейс Е.Г.* Кожевников, кто Вы? М.: Русский путь, 2000.
11. *Росман В.* После философии: Кожев, «конец истории» и русская мысль // *Неприкосновенный запас*. 1999. № 5. С. 21–26.
12. *Руткевич А.М.* Alexandre Kojève, русский философ // *Человек*. 1997. № 5. С. 90–92.
13. *Соловьев В.М.* Три волны эмиграции. Хроника Русского зарубежья: Одиссея длиною в век. М.: ЛЕНАНД, 2016.
14. *Соловьев В.М.* Философ-авангардист Александр Кожев // *Ростовский научный вестник*. 2021. № 6. С. 39–43.
15. *Целиков А.Н.* Сравнительный анализ социально-государственных идеалов И.А. Ильина и А.В. Кожева. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. философских наук. Нижний Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2007.
16. *Чернышев С.Б.* Порог истории. Из выступления на презентации книги «Смысл» 24 апр. 1994 г. URL: [porog_istorii.doc](#).
17. *Юрганов А.А.* Концепция истории А. Кожева: опыт историко-философской реконструкции. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. философских наук. Ростов-на-Дону: Юж. федер. ун-т, 2013.
18. *Auffret D.* Alexandre Kojève: La philosophie, l'état, la fin de l'histoire. Paris: Grasse, 1990.
19. *Delarge J.* Alexandre KOJÈVE // *Le Delarge*. Paris: Gründ, Jean-Pierre Delarge, 2001.
20. *Descombes V.* Le Même et l'Autre. Quarante-cinq ans de philosophie française (1933–1978). Paris: Éditions de Minuit, 1979.
21. *Nichols J.H.* Alexandre Kojève: Wisdom at the End of History. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2007.
22. *Drury Sh.B.* Alexandre Kojève: The Roots of Postmodern Politics. Palgrave Macmillan, 1994.

Источники

23. Выдержка из переписки Кожева и Кандинского. URL: [wassilykandinsky.ru/article-1170.php](#).
24. *Кожев А.В.* Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2007.
25. *Кожев А.* Введение в Систему Знания. Понятие и время // *Метафизические исследования*. 1998. Вып. 6: Сознание. С. 277–296.
26. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003.
27. *Кожев А.* Гегель, Маркс и христианство // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 128–144.
28. *Кожев А.В.* Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1998.
29. *Кожев А.В.* Источник права: антропогенное желание признания как исток идеи Справедливости // *Вопросы философии*. 2002. № 12. С. 154–166.
30. *Кожев А.В.* Колониализм с европейской точки зрения // *Вестник Европы*. 2002. № 5. С. 157–162.
31. *Кожев А.В.* Конкретная (объективная) живопись Кандинского // *Человек*. 1997. № 6. С. 29–39.
32. *Кожев А.* Москва, август, 1957 // *Кожев А. Атеизм и другие работы*. М.: Праксис, 2007. С. 403–415.

33. *Кожев А.* Очерк феноменологии права // Кожев А. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2007. С. 295–322.
34. *Кожев А.* Понятие власти. М.: Праксис, 2007.
35. *Кожев А.* София, философия, феноменология. Архивная рукопись, подготовлена к печати А.М. Руткевичем // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 69–77.
36. *Кожев А.В.* Тирания и мудрость // Вопросы философии. 1998. № 6. С. 92–119.
37. *Кожевников А.В.* Философия и В.К.П. // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 72–74.
38. *Раймон А.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002.
39. *Kojève A.* Le Concept, le Temps et le Discours. Essai d'une mise a jour du Systeme du Savoirhegelien. Paris: Editions Gallimard, 1990.
40. *Kojève A.* L'Idée du déterminisme dans la physique classique et dans la physique moderne. Paris: LGF, 1990.
41. *Vormser O.* Mon ami Alexandre Kojève // Commentaire. 1980. No. 1(9).

Solovyov, Vladimir M. *Aleksandr Kozhev's neometaphysics*

References

1. Vizgin, V.P. (1989), Philosophy as speech (historico-philosophical concept of Aleksandr Kozhev), in: *Voprosy Filosofii*, no. 12, pp. 130–139 (in Russian).
2. Evlampiev, I.I. (2013), Ivan Ilyin and Aleksandr Kozhev: Russian version of European Neogellianism, in: *Solovyovskie Issledovaniya*, no. 2(38), pp. 106–120 (in Russian).
3. Zhilenkov, I.A. (2016), *Philosophical and anthropological discourse of A. Kozhev*, Abstract of Ph.D. dissertation, Belgorod State National Research University, Belgorod (in Russian).
4. Zhubara, A. (2005), The idea of the end of history: V. Solovyov and A. Kozhev: Archival copy of March 31, 2013 on the Wayback Machine, in: *Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age: To the 150th Anniversary of V. Solovyov and the 110th Anniversary of A.F. Losev*, Nauka, Moscow, pp. 397–401 (in Russian).
5. Kuznetsov, V.N. (1982), *French Neo-Hegelianism*, Moscow State University Press, Moscow (in Russian).
6. Kurilovich, I.S. (2019), Thinking of the infinite as an epistemological problem in the philosophical system of A. Kozhev, in: *Filosofskiy Zhurnal*, vol. 12, no. 3, pp. 33–47 (in Russian).
7. Naskina, I.A. (2013), *Political-Philosophical Ideas of A. Kozhev*, Abstract of Ph.D. dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow (in Russian).
8. Price, M. (2001), Agent of the World Spirit, or Could the KGB have nurtured post-modernism? in: *Russkiy Zhurnal*, URL: <http://old.russ.ru/politics/west/20010402-koiev.html> (in Russian).
9. Pyatigorsky, A.M. (2004), *Uninterrupted Conversation*, Azbuka-Klassika, St. Petersburg (in Russian).
10. Reis, E.G. (2000), *Kozhevnikov, Who are You?* Russkiy Put, Moscow (in Russian).
11. Rossman, V. (1999), After philosophy: Kozhev, the "end of history", and Russian thought, in: *Neprikosnovennyi zapas*, no. 5, pp. 21–26 (in Russian).
12. Rutkevich, A.M. (1997), Alexandre Kojève, Russian philosopher, in: *Chelovek*, no. 5, pp. 90–92 (in Russian).

13. Solovyov, V.M. (2016), *Three Waves of Emigration. Chronicle of the Russian Abroad: An Odyssey a Century Long*, LENAND, Moscow (in Russian).
14. Solovyov, V.M. (2021), The avant-garde philosopher Aleksandr Kozhev, in: *Rostovskiy Nauchnyy Vestnik*, no. 6. pp. 39–43 (in Russian).
15. Tselikov, A.N. (2007), *Comparative Analysis of the Socio-State Ideals of I.A. Ilyin and A.V. Kozhev*, Abstract of Ph.D. dissertation, Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, Nizhniy Novgorod (in Russian).
16. Chernyshev, S.B. (1994), *The Threshold of History. From a speech delivered at the presentation of the book "The Meaning" on April 24, 1994*. URL: porog_istorii.doc (in Russian).
17. Yurganov, A.A. (2013), *A. Kozhev's Concept of History: A Historical and Philosophical Reconstruction*, Abstract of Ph.D. dissertation, South Federal University, Rostov-on-Don (in Russian).
18. Auffret, D. (1990), *Alexandre Kojève: La philosophie, l'état, la fin de l'histoire*, Grasse, Paris.
19. Delarge, J. (2001), Alexandre KOJÈVE, in: *Le Delarge*, Gründ and Jean-Pierre Delarge, Paris.
20. Descombes, V. (1979), *Le Même et l'Autre. Quarante-cinq years de philosophie française (1933–1978)*, Éditions de Minuit, Paris.
21. Nichols, J.H. (2007), *Alexandre Kojève: Wisdom at the End of History*, Md.: Rowman & Littlefield, Lanham.
22. Drury, Sh.B. (1994), *Alexandre Kojève: The Roots of Postmodern Politics*, Palgrave Macmillan.